

«Бомонд» снимает кепку перед «Комсомолкой»

Его называют дилетантом. Или, наоборот, профессионалом высокого класса. Но «Бомонд» смотрят. Потому что Ганапольский не повторяется.

В жизни он совсем не такой, как на экране. С «Бомондом» и радиостанцией «Эхо Москвы» его объединяет только голос. И еще умение ставить неподражаемое ударение в тех фразах, которые он считает нужными.

Он высок, широк в плечах и вполне элегантен.

В редакцию «КП» Матвей пришел без кепки. И очень просил про нее ничего не спрашивать.

— Герои ваших передач легко соглашаются прийти к вам?

— К счастью, у меня за все три года существования «Бомонда» был только один отказ.

— И кто отказался, если не секрет?

— К сожалению, не захотел разговаривать человек, к которому я испытываю большое уважение, — Сергей Бондарчук. Это было в самом начале. Вспомните, тогда был такой период, когда кинематографисты новой формации, пришедшие к власти, начали Бондарчука гнать. Поэтому он был настроен негативно ко всему. Хотя я его понимаю.

— И все же, почему появился «Бомонд»?

— Мне захотелось всех этих людей, моих героев, оставить для истории.

Просто эти люди и есть российская культура. По крайней мере, какая-то ее часть. Передача «Бомонд» — мой долг перед ними.

— Обычно вы остаетесь в дружеских отношениях с собеседниками?

— Вы очень точно спросили. В дружеских, не более того. После передачи мы прощаемся, и никаких контактов больше не бывает.

— Недовольных вами же остается?

— К счастью, такого не случается ни разу.

— А не бывало такого, что в процессе передачи от себе

Конечно же, он любит себя.

Конечно же, он немного рисуется.

Его «Бомонд» страшно смотреть.

Что там еще выкинет

Матвей Ганапольский?

седника оставалось чувство разочарования?

— Очень часто. Многие люди вдруг зажимаются. Видимо, виной тому эффект прямого эфира. Но это моя проблема. Значит, я не продумал тот ход передачи, который помог бы собеседнику чувствовать себя нормально. Вина всегда лежит на мне.

— Как вы относитесь к тому образу, который сложился в умах многих: образу этакого интеллектуального разбойника?

— Я рад, что это уголовно ненаказуемо.

— «Эхо Москвы» сделало вас профессионалом. «Бомонд» добавил к этому популярность. Как отнеслись к этому коллеги по «Эху Москвы»?

— Они оказались не...

— Независтливыми?

— Точно, независтливыми.

— Ваша программа совершенно не замусорена рекламной. Почему?

— Это сложный и очень болезненный вопрос. Если я вам скажу: реклама меня не интересует, это будет неправда. Все передачи у нас коммерческие. И моя оплата зависит от той рекламы, которая будет «прокручена» у меня в программе. Но я считаю, что существует предел.

Рекламная пауза? Да хоть две. Но не больше! То, что происходит с рекламой на телевидении, называется, по моему, бесстыдством. Люди

откровенно зарабатывают деньги. Я тоже стараюсь их заработать, но всему есть предел. Главный критерий для меня: я не могу оскорбить человека, который ПРИШЕЛ КО МНЕ в гости. Я делаю передачу, где реклама является паузой, а не этот человек среди рекламы.

— Вы обеспеченный человек, вас кормит журналистика?

— Нет. Журналистика, к сожалению, меня не кормит. Понятно, что я не собираю бутылки. Но жить той достойной жизнью, какой я бы хотел жить, не могу.

Упреждая ваши дальнейшие вопросы, хотел бы сразу сказать: я предпочитаю не говорить на эту тему. Чтобы не оскорбить те миллионы людей, для которых, может быть, моих заработков хватило бы на гораздо большее время.

— Вы любите появляться на каких-нибудь журналистских «сходках» типа «балов прессы»?

— Меня обычно туда не приглашают. Единственное, где мне нравится бывать, это Дом кино. Там мне действительно интересно. Я хожу туда с диктофоном. Для того, чтобы брать интервью для «Эха Москвы» либо договариваться с какими-то людьми.

В Москве существует свой «истеблишмент», — устоявшийся круг людей, — которые любят общаться между собой.

Во многом именно этот круг определяет культурный «слой» Москвы.

— В этом есть что-то «тусовочное».

— Нет. Во-первых, мне не нравится это слово. Во-вторых, какая тусовка, если стоит Булат Окуджава. Рядом с ним... как его? Который ведет «Кинопанораму»... Виктор Мережко. Или Марк Захаров, предположим. Какая же это тусовка?

В насковье политизированной стране безумно популярным стало слово «престиж». Престижная модель автомобиля, престижное жилье, престижное...

— ...Знакомство.

— Престижное знакомство. В то время как большая часть несчастной страны светит голой задницей! Нельзя быть престижным с голой задницей. Значит, и тем людям, которые употребляют это слово, и тем, кто на него никак не реагирует, не хватает одного: достоинства. В России нет дефицита денег, нет дефицита товаров и дефицита услуг. В России есть дефицит ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА. Политик, провавшийся в эфир и уничтожающий своих оппонентов, не способствует появлению ЧУВСТВА СОБСТВЕННОГО ДОСТОИНСТВА.

А артист, который всю свою жизнь служил искусству... Это же люди вне времени, вне пространства, которые уже громадными буквами вбили себя в историю. В отличие от всей шушеры, которая уйдет, и фамилии их сотрутся. Ведь сбылось же пророчество: Брежнев — мелкая политическая фигура эпохи Солженицына.

— Артисты при всем своем сохранявшемся достоинстве не самые бедные люди. А вы их, кажется, даже жалеете.

— Нас не надо жалеть, ведь и мы никого не жалели. Жалеть их не за что. Пусть они меня жалуют.

— За что?

— За то, что они столько

сделали в искусстве. А я...

— У вас не было желания нарушить правила игры и пригласить какого-нибудь известного банкира, коммерсанта?

— Мне поступали такие предложения. С точным указанием размера гонорара. Именно поэтому не хочу. Всех денег все равно не заработаешь. Хотя...

— Как вы относитесь к тому, что вас покупают.

— С чувством глубокого удовлетворения. Я внимательно выслушиваю предложения, интересуюсь суммой, выражаю недовольство этой суммой. Когда ее поднимают в два-три раза, я говорю, что в будущем наша встреча возможна. Не уточняя сроков...

— Трудно разобратся, вы оптимист или pessimist?

— Оптимист. Да и вы, наверное, тоже. Трудно быть оптимистом тут, но...

— Может быть, это оттого, что в моей жизни не было трагедий. Потому, что мои родители живы.

— Денег мало зарабатываете. Дачи нет. А в семье-то вас понимают?

— Понимают. И помогают. На передачу Ирина никогда не приходит с пустыми руками. В нашем деле «кормительный» фактор играет не последнюю роль.

— Вы никогда не задумывались, что вы будете делать, если исчезнет «Бомонд»?

— Если «Бомонд» исчезнет по причинам художественным, то это станет предметом моих раздумий наедине с самим собой. Если же передача прекратит существование из-за своеволия руководства, я найду канал, который меня приютит. И вообще дорог много. Отлежусь...

А напоследок желаю успеха вашей странной газете. Вы умудряетесь не лизать задницы тинейджерам. Держите планку: от восемнадцати до кладбища...

Мария АНДРЕЕВА,
Серафим БЕРЕСТОВ.
Фото Геннадия ДИАНОВА.